

А еще и «Тартюф»

**Репетиция
юбилейного
вечера
Олега ТАБАКОВА**

Лицедей и гражданин Простоквашина

— Познакомились мы давно, в конце 70-х, то есть две или три жизни назад. Я работал в Театре Советской армии, и Табаков — редкий момент — попал в какую-то советскую ловушку. Его первая актерская студия не могла обрести своего места в Москве. Места не было для них ни в «Современнике», ни в других театрах. И от отчаяния изобретательный Табаков придумал обратиться в Театр Советской армии: а не возьмут ли его ребят — всех целиком — в этот безразмерный театр? Тут-то я и стал его советчиком.

Особенно советовал или руководить им было не нужно. Он великолепно понимал устройство нашего тогдашнего режима (как сейчас хорошо понимает устройство нынешней власти). Так вот, он рассчитывал на слабое звено в советской системе. И был совершенно прав: генералы были воодушевлены возможностью проявить силу и самостоятельность. «А давай возьмем Табакова и утрем нос этим гражданским».

Студия табакотская ГЛАВПУР, конечно, на дух не была нужна, но сам Табаков в качестве артиста главного армейского театра — это соблазнительно! Дело почти что было сделано, но в последний момент В. Гришин (он был тогда руководителем Московского горкома партии) пресек акцию. Актером ЦАТСА — так сокращенно именовался тогда военный театр — Олег Павлович не стал.

Но с тех самых времен продолжаю ему советовать. Справедливости ради скажу, что советчиков у него много. Прежде чем принять какое-то решение, любит обговорить это с теми, кому доверяет. Но

принимает решение сам, и часто вопреки всем советчикам.

Его человеческие и художественные проявления ни на кого не похожи. Он в России один такой Олег Табаков. Часто он сам себя ложно позиционирует, как нынче любят говорить. Не любит бить себя в грудь от прилива патриотических чувств. В полемическом задоре, вспоминая современниковские спо-

Некоторые пытаются использовать такого рода откровенности для дискредитации Табакова, ловят его на слове: ах, он не гражданин, как же ему МХАТ доверили?

Хочу успокоить нервных товарищей: он гражданин. Из самых настоящих граждан нашего родного Простоквашина. Его национальная идея сродни той, что Солженицын не-

**Анатолий
СМЕЛЯНСКИЙ,
ректор
Школы-студии МХТ
имени Чехова:**

**«Его национальная идея
— обеспечить вверенное
население молоком»**

ры, может сообщить, что никогда не был гражданином, а старался быть прежде всего актером, притом не героем, а характерным. Никогда, мол, Гамлета играть не хотел, больше — Полония. На вопрос, не обидно ли тебе в памяти миллионов оставаться Котом Матроскиным, в то время как иные останутся Мипшкиными, Гамлетами и т.д., — ответ мгновенный, востык, без паузы: «Матроскин нашу жизнь представляет не хуже Гамлета. Чего бы в нашем Простоквашине ни происходило, Матроскин выживет и молока для себя и своей семьи достанет».

давно высказал: сохранить нацию (население) во вверенном ему, Табакову, участке, обеспечить население молоком и позаботиться о его будущем. И он эту идею воплощает так, как редко кто из простоквашинских обитателей.

А про искусство — это будущее рассудит. Он пригласил в Художественный театр всех сколько-нибудь значимых режиссеров страны — верит, что селекция зрительская все расставит по местам. Верит в силу органической жизни — и в искусстве, и в самой жизни. Часто ошибается, но чудесным образом выбирается из всех тупиков и неприятностей.

Школа и МХТ (О.П. сократил букву «а», идущую от советских времен) живут единой семьей. Хочу напомнить, что почти вся труппа — выпускники Школы-студии. Сам Табаков продолжает руководить основной кафедрой — актерского мастерства. Стратегия у него одна: дать новому поколению людей театра выжить в условиях капитализма с нечеловеческим лицом. Опыт выживания у него огромный, пытается этим опытом поделиться. Он по натуре строитель, создатель — не разрушитель. От этого чувства идет и вся стратегия. Словесно опять-таки не любит эти вещи формулировать, просто занимается этой самой стратегией каждый день. Среди его учеников — актеры, которые во многом определяют сегодня лицо русской сцены.

С американцами (Табаков много лет преподавал в США, открыл здесь летнюю школу) работает так же, как с русскими: предельно откровенно, иногда на грани фола. Но он иначе не может. Любимые его примеры — из жизни, часто из саратовской. Как бабушка, например, солила огурцы или помидоры. Американцы эти вещи прекрасно понимают. Он не стесняется в выражениях, презирает политкорректность, идет напрямик. По-моему, это вызывает в тех, кто приходит в наши программы, и оторопь, и восторг. Тут ведь тоже подустали от политкорректности и накрученного гражданского пафоса, враждебного искусства.

Одним словом, Табакова охарактеризовать легко: лицедей. Несравненный лицедей нашего Простоквашина.

Наталья ТЕНЬКОВА:
**«Клоун? Конечно, это
символ, но правильный»**

— Олег Павлович! Дорогой мой старинный товарищ по общему делу! Говорят, у вас юбилей? Это бывает. Сама знаю. Мое искреннее желание поздравить вас натывается на порожек того, что вы теперь мой начальник. В поздравлениях подчиненных всегда есть элемент... ну да что там, вы сами это отлично знаете. Я постараюсь преодолеть этот порожек. И сделаю это с легкостью, потому что любые директорства и руководствования на удивление не увели вас за черту нашего профессионального актерского братства. Дивлюсь и восхищаюсь вашей энергией актера. Могу признаться, что даже завидую вашему неиссякаемому желанию много играть, часто выходя на сцену, видеть зрителей и вашему умению их покорять.

Когда-то ты, Олег, сказал, что видишь во мне клоуна и себя считаешь клоуном. Это, конечно, символ, но это правильный символ. Если театр не баловство, а поиск истины, то истина эта ищется через игру, через маску, через движение сердца, в основе которых всегда радость. Умение весело, радостно, азартно творить — это ваше качество.

Я поздравляю тебя, Олег Павлович! Полнокровная жизнь тебе к лицу. Да будет же и сам юбилей тебе в радость, а не в нагрузку.

Владимир МЕНЬШОВ:
**«Он вышел и не вышел
из образа маляра»**

— Уже давно я стал восторженным поклонником Табакова-актера. Одним из самых ярких впечатлений молодости была его роль маляра в спектакле молодого «Современника» «Третье желание», настолько забытом, что не упоминается даже критиками и историками театра. Тот образ пригласили ему на всю жизнь. Этот маляр появляется потом и в фильме «Ширли-мырли». А тогда на сцене были Любшин, Алоскин, Лариса Кадочникова. Я обожал тогдашний «Современник» и все время ходил туда, когда приезжал в Москву.

Потом были «Шумный день», «В поисках радости». Мне было интересно следить за его работами. Потом я учился в Школе-студии МХАТ, и актеры «Современника» часто приходили к нам, студентам, потому что корни «Современника» — во МХАТе. Настоящее знакомство произошло на моем первом фильме — «Розыгрыш». Я мечтал, что встречу с ним в работе, и был счастлив, когда он согласился. Он сыграл роль отца Комаровского, и я выделил его роль-камео в титрах.

Потом была картина «Москва слезам не верит», и он сыграл роль любовника Катерины во второй серии. Мне было важно, чтобы на эту роль попал актер со шлейфом положительных ролей. Все «положительные» отказывались, считая это покушением на их имидж и репутацию. И тогда с отчаянием я предложил эту роль Олегу. Он поддержал паузу и согласился. Сыграл прекрасно. Он убедителен, точен, самоироничен, и сегодня в этой роли я не вижу никого, кроме него.

Олег мог сыграть и в «Любовь и голуби», но по занятости у него не вышло. Роль получил Сергей Юрский. И сыграл превосходно.

А потом был фильм «Ширли-мырли», и я хотел, чтобы главного героя играл Табаков. Но Олег меня охладил: «Ну дурь это, старый я для этой роли». «Нет, худей на 20 кг, молодей на 20 лет», — настаивал я. В итоге он получил роль Суходрищева, в которой купался и в полной мере проявил свой комедийный дар. Тот, который я увидел впервые в спектакле «Современника» «Третье желание» и потом — в легендарном спектакле «Табакерки» «Провинциальные анекдоты».

Из пяти фильмов, которые я снял (еще был фильм «Зависть богов»), в трех снялся Табаков. Один этот факт говорит о моем отношении к нему.

Благодаря его усилиям МХТ существует сейчас как марка, как бренд, хотя был момент, когда казалось, что театр совсем пропал. Когда он успевает все — непонятно. Так что я не просто поздравляю, я пластаюсь перед ним в любви и уважении. Живи дольше и сделай еще столько же.

Евгений МИРОНОВ:
**«Чувство гордости
и чувство ревности»**

— Дорогой учитель! У вас праздник. Вернее, у нас. А точнее, вы и есть праздник.

Вы всегда учили нас не только профессии, вы воспитывали, как своих детей. Не на словах, а на своих поступках. Нас, забитых провинциалов, ошалевших от фальшивой мегаполисы, вы учили порядочности, достоинству и состраданию.

Чувство гордости. Вы — наш. Чувство ревности. Вас любят все, обожают. Какое счастье, что вас хватило и на нас. На меня.

